

СОЦИАЛЬНО-ДИСКУРСИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭВФЕМИЗМОВ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ

И. Н. Филиппова, С. Н. Вековищева

*Московский государственный областной университет,
ул. Веры Волошиной, 24, 141014, г. Мытищи, Россия,
little_lion06@mail.ru, vekovishcheva_sn@mail.ru*

Представлен анализ эвфемизмов русского, английского и немецкого языков. Разработана типология эвфемизмов на основе их социально-дискурсивных характеристик, которая выявляет языковые, речевые и окказиональные эвфемизмы. Эта типология универсальна и может быть апплицирована к любым языкам. Представленный материал может детализироваться и оптимизировать лексикографическую практику.

Ключевые слова: эвфемизм; дискурс; субститут; номинация; окказионализм; типология.

В изучении феномена эвфемии внимание лингвистов сосредоточено на механизмах создания и особенностях функционирования единиц непрямой номинации, в науках социально-гуманитарного цикла наибольший интерес представляет изучение мотивов и предметно-тематических сфер субститутов.

Многие аспекты эвфемизмов исследованы недостаточно и требуют дальнейшего изучения и систематизации. В настоящей статье центральный вопрос составляет классификация эвфемизмов в соответствии с их социально-дискурсивными характеристиками. Объектом служат эвфемизмы общественно-политической, бытовой и экономической сфер; материалом выступают единицы непрямой номинации, экстрагированные из текстов разных жанров на русском, английском и немецком языках, представленные в СМИ, художественной литературе, интернет-ресурсах. Общий объем эмпирической базы на трех национальных языках составил 12 п. л., где выявлено 120 эвфемизмов на русском языке, 106 – на английском, 92 – на немецком.

Актуальность представленного анализа связана со сложной структурой эвфемизмов, единством в них социального и языкового начал, активизацией использования их в разных типах дискурса, наличием сходства и различий в национальных стратегиях эвфемизации и т. п.

Опыт построения классификаций эвфемизмов в истории общего и частного языкознания главным образом связан с типологией мотивов эвфемизации и тематических сфер их функционирования в речи. В то же время

типологии, учитывающие частотность, продуктивность, степень вуалирующей функции, взаимосвязь с единицами прямой номинации, гораздо реже разрабатываются лингвистами. Эта лакуна, на наш взгляд, случайна и недолговечна, но в настоящий момент требует заполнения. Цель работы – разработка социально-дискурсивной типологии эвфемизмов в русле универсального подхода (в дальнейшем приложимого к языкам, не вошедшим в нашу эмпирическую базу).

Считая обращение к исчерпывающей историографии изучения эвфемии излишним, отметим, что одним из первых отечественных исследователей не прямой номинации Б. А. Лариным предложено различать 3 фундаментальных типа субститутов: 1) общеупотребительных, 2) классовых и профессиональных, 3) семейно-бытовых [1].

В этой классификации просматривается идея о дифференциации эвфемизмов по их воспроизводимости, степени семантического сдвига и социальной значимости. Эти принципы классифицирования не прямых номинаций представляются перспективными в их приложении к современной теории дискурса и функциональной прагмалингвистике. В связи с этим мы предлагаем принимать во внимание 3 аспекта семантики и функционирования эвфемизмов:

- 1) степень устойчивости единиц не прямой номинации и/или степень их воспроизводимости в актуальном дискурсе;
- 2) степень вуалирования (реализация маскирующей способности) и/или степень сложности дешифровки эвфемизма (т.е. распознавания скрытого за ними прямого обозначения);
- 3) их социальные маркеры.

Названные аспекты мы считаем социально-дискурсивными характеристиками эвфемизмов, имеющих двойственную природу. Они отражают принадлежность эвфемизмов к языку и речи (с одной стороны) и их социальную и историческую обусловленность (с другой стороны). В соответствии с этими социально-дискурсивными характеристиками оказывается возможным дифференцировать:

- 1) языковые (или общеязыковые, общеупотребительные);
- 2) речевые;
- 3) окказиональные эвфемизмы.

Языковые эвфемизмы. К ним мы относим такие языковые факты, которые распространены наиболее широко и ввиду большой дискурсивной активности имеют незначительную маскирующую способность. Их наибольшая частотность обосновывается фиксацией в лексикографических источниках, подтверждая их основные признаки: они устойчивы, общеиз-

вестны, активны в употреблении большинством носителей языка и представителей лингвокультуры. Вскрытие их истинного предметного значения не представляет труда для пользователей языком, т. к. в силу частотности их употребления вуалирующая способность не прямой номинации постепенно снижается. Группа языковых эвфемизмов наиболее многочисленна.

В русском языке единицу *умереть* часто табуируют и передают ее значение субститутами, демонстрирующими семантический сдвиг смягчения: *уйти, отойти к праотцам, перейти в мир иной, скончаться, угаснуть, уснуть вечным сном, испустить дух, испустить последний вздох, упокоиться, преставиться, почитать* и т. д., однако содержание скрываемого за ними понятно и ввиду своей очевидности не требует усилий для декодирования. Современные носители английского языка, являясь представителями разных лингвокультур (британской, американской, австралийской), замещают некорректную лексему *old* эвфемизмами *senior citizen, blue hair, chair days, long in the tooth, Roman spring, sunset years, twilight home, wear down, years young*; для не прямой номинации беременной женщины используют разные варианты субститутов: *in the family way, bun in the oven, delicate condition, costume wedding, force-put job, in calf, in season, Irish toothache, join the club, with child, up the stick, state of health*. В современных немецкоязычных лингвокультурах (Германии, Австрии, Швейцарии, Лихтенштейне, Люксембурге, северной Италии) для обозначения инвалида не пользуются единицами *Invalide, Krüppel*, а заменяют их в речи на *Behinderte, Beschädigte, Versehrte, Betroffene*; считающееся неприличным упоминание о сексуальной стороне жизни маскируют субститутами (вполне очевидной семантики) *körperliche Liebe, Bettsport, Lustspiel, Sinnlichkeit*.

Речевые эвфемизмы. Под ними понимаем контекстные замены единиц с открытым предметным содержанием, которые обладают относительной устойчивостью и ограниченной воспроизводимостью. Такие единицы функционируют в дискурсе меньшей масштабности. Эти лексемы в силу своего незначительного распространения, небольшой частотности и скоропечности не получают фиксации в общих словарях, их можно обнаружить только в специализированных лексикографических источниках – словарях эвфемизмов. С течением времени речевые эвфемизмы могут перейти в разряд языковых, постепенно утрачивая маскирующий эффект в связи с износом субституирующей способности, предопределяя необходимость замещения бывших эвфемизмов новыми единицами.

Примеров речевых эвфемизмов значительно меньше, чем языковых. В эссе «Перевод с австралийского» Т. Толстая использовала эвфемизм *бессрочная умственная забастовка* [2], вуалируя неграмотность и профессиональную непригодность некоторых переводчиков. Этот субститут получил

распространение в переводоведческом дискурсе, например, в статьях Р. Р. Чайковского: *Так бессрочная умственная забастовка привела нас в итоге к сну разума, порождающему чудовищ в виде чудовищных по безграмотности переводов* [3]. Активность феминистского движения в США привела к тому, что многие женщины используют эвфемизмы, вуалирующие их стремление к традиционным отношениям и браку: *I want one knee, I long for the ritual, for this formality, he is The One, to give a diamond ring.*

Окказиональные эвфемизмы. Они единичны, создаются говорящим (как правило) для узкого круга употребления, используются однократно (исключая цитирование) и ориентированы на исключительный речевой акт с ярко выраженной прагматической установкой на эвфемизацию. Примеры таких эвфемизмов можно обнаружить только в специальных исследованиях, посвященных эвфемии или в произведениях литературы, имеющих отличительную авторскую стилистику. В произведениях художественной литературы разных стилей, литературных направлений, жанров и эпох можно выявить примеры окказиональных эвфемизмов: их выдает яркая прагматическая направленность и слабая вуалирующая способность. Фактически авторы прибегают к ней в такой выраженной манере, что можно говорить о псевдоэвфемистических субститутах.

В эпиграммах раннего творческого периода А. С. Пушкина представлена эллиптизация неприличного понятия сифилис:

*Лечись – иль быть тебе Пангломом,
Ты жертва вредной красоты –
И то-то, братец будешь с носом,
Когда без носа будешь ты* [4, с. 116].

Перифрастические выражения *жертва вредной красоты, без носа, Панглом* (персонаж повести Вольтера «Кандид», страдавший этой же болезнью) раскрывают умалчиваемое наименование недуга. «Иерусалимские гарики» И. Губермана открываются посвящением, в котором содержится окказиональный эвфемизм, образованный автором по модели литоты в соответствии с принципом возрастной политкорректности: *Очень старшему другу* [5]. М. А. Булгаков в романе «Мастер и Маргарита» в речь буфетчика встраивает *осетрину второй свежести*, которую в дальнейшем контексте разоблачает как тухлую [6, с. 388]. Отечественный юморист С. Альтов в монологе «Вобла», прочитанном Г. Хазановым, привлекает к созданию эвфемизма фонетическую аллюзию: *...уже есть свои рокеры,.. шпанки,.. простите, утки, наркоманье... <...> Чем ты эту утку, прости, отвлечешь, если она за одну ночную смену больше главного инженера зарабатывает, причем в валюте!* [7].

Примером окказионального эвфемизма в американском английском слугит созданный адвокатом Джастина Тимберлейка субститут: чтобы придать его поступку на концерте с Джаннет Джексон более пристойную вербальную формулировку. За единицей *Wardrobe malfunction* (неисправность костюма) была скрыта прямая номинация его действия, которое сама «жертва стриптиза» закодировала более корректным перифразом ‘немного поэкспериментировать с костюмом’, значительно смягчив значение описываемого факта: *The decision to **have a costume reveal** at the end of my halftime show performance was made after final rehearsals* [8].

На сайте Deutsche Welle в сериале, посвященном послевоенной истории Германии, в одном из сюжетов употребляется перифраз, слабо маскирующий неприятную для нескольких поколений немцев аллюзию на ее фашистское, нацистское прошлое: *Er hat sich dagegen gewandt – unter anderem – **dass man schnell verdrängen wollte*** [9].

Таким образом, иллюстрация примерами выделенных нами групп эвфемизмов по их социально-дискурсивным характеристикам подтверждает приложимость этой типологии ко всем языкам, составившим эмпирическую базу настоящего исследования. Верификация языковыми фактами из практического материала дает нам достаточно аргументированное основание объективно утверждать, что такая типология является универсальной и может в дальнейшем успешно использоваться в изучении эвфемии на материале других языков.

Завершая анализ, отметим, что экспансия эвфемизмов в разные сферы речевой деятельности, разные типы дискурса, разные коммуникативные ситуации создается совокупностью факторов, не последнюю роль среди которых играют творческие амбиции коммуникантов, внелингвистические тенденции общественных норм.

В эмпирической базе выявлена различная функционально-прагматическая направленность эвфемистических субститутов.

Эвфемизация в разных языках обнаруживает черты изо- и алломорфизма как отражения универсального способа вербализации и национального своеобразия языковой концептуальной картины мира.

Создаваемая социально-дискурсивная типология эвфемизмов опирается на степень устойчивости и воспроизводимости эвфемизма в актуальном дискурсе, степень маскирующей способности и сложности дешифровки и социальное маркирование представлена их дифференциация по социально-дискурсивным характеристикам. Намеченная типология выявляет (1) языковые, (2) речевые и (3) окказиональные субституты прямой номинации.

Типология эвфемизмов по социально-дискурсивным характеристикам универсальна и обнаруживает перспективу этой идеи в дальнейших исследованиях.

Библиографические ссылки

1. Ларин Б. А. Об эвфемизмах // Проблемы языкознания. 1961. № 301. Вып. 60. С. 119–124.
2. Толстая Т. Н. Перевод с австралийского // Толстая Т. Н. День: Личное. М. : Подкова, 2001. С. 201–209.
3. Чайковский Р. Р. Эксплицитные переводческие ошибки // Вестник МГОУ. Сер.: Лингвистика. 2011. № 6. Т. 2. С. 84–88.
4. Пушкин А. С. Сочинения: в 3-х т. Стихотворения; Сказки; Руслан и Людмила: Поэма. М. : Худ. лит., 1985.
5. Губерман И. Иерусалимские гарики [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=57669&p=1> (дата обращения: 20.01.2021).
6. Булгаков М. А. Белая гвардия. Мастер и Маргарита : романы. Мн. : Юнацтва, 1988.
7. Альтов С. Вобла [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/video/preview/?filmId=481645605129497682&text=альтов%20хазанов%20простите%20утки&path=wizard&parent-reqid=1591393094527612-1301578746411098834400292-prestable-app-host-sas-web-yp-110&redircnt=1591393105.1> (дата обращения: 17.11.2020).
8. Apologetic Jackson says 'costume reveal' went awry [Электронный ресурс]. URL: <https://edition.cnn.com/2004/US/02/02/superbowl.jackson/> (дата обращения: 15.11.2020).
9. Leben in den 70-ern [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dw.com/downloads/26587501/video-thema-20090430-leben-in-den-70ernmanuskript.pdf> (дата обращения: 22.12.2020).